

О ГЛУБИННОМ СМЫСЛЕ ОДНОГО УДАРЕНИЯ (из истории газетной полемики конца 1930-х гг.)

В статье с опорой на архивные материалы детализируется история полемики о «чистоте языка», развернувшейся в 1939 г. на страницах «Литературной газеты» между писателем Ф.В. Гладковым и филологом Д.Н. Ушаковым. Автор выявляет идеологический подтекст дискуссии об орфоэпии, анализирует сущность использованной Ф.В. Гладковым маски «человека из народа» и демонстрирует обоснованность антипуристской позиции Д.Н. Ушакова.

Ключевые слова: пропаганда, «чистота языка», орфоэпия, «Литературная газета», Ф.В. Гладков, Д.Н. Ушаков.

Организация публичной полемики, главной или единственной трибуной которой становились печатные средства массовой информации, была нормальной практикой советской идеологической машины¹. Практики коммунистической пропаганды внедряли определенные идеи в сознание масс таким путем, что у получателя формировалось ощущение самостоятельно найденного ответа на тот или иной мировоззренческий вопрос. Именно в этом случае объект идеологического воздействия глубоко усваивал навязанные ему положения и искренне в них верил².

Очевидно, что для придания дискуссии максимального жизненподобия и убедительности (даже тогда, когда роли «правых» и «ошибающихся» распределены заранее) в ней должны участвовать сопоставимые по масштабу личности и авторитетности оппоненты. Желательно также, чтобы они высказывались максимально искренне. Следовательно, надо, чтобы один из противников не сознавал, что его точка зрения будет признана неправильной, т. е. был спровоцирован на спор, заведомо завершающийся для него полным поражением и унижительным разоблачением.

Дискуссии подобного рода велись на самые разнообразные темы, далеко не всегда политические. Важно было, чтобы предмет обсуждения вызывал живой общественный интерес. К числу таких вопросов на протяжении всего советского периода – как, впрочем, и до него, и после – относилась проблема так называемой чистоты языка³. Выступления в прессе, направленные на защиту великого русского языка от вульгаризмов, жаргонизмов, канцеляризмов, неоправданных заимствований и т. д., неизменно вызывали у аудитории живой отклик, о чем свидетельствовали многочисленные письма читателей.

Данная статья посвящена всестороннему анализу одного короткого эпизода многолетней борьбы советской прессы за «чистоту языка» – полемике писателя Ф.В. Гладкова и филолога Д.Н. Ушакова на страницах «Литературной газеты» в 1939 г. Помимо собственно газетных публикаций – двух открытых писем Гладкова и письма Ушакова, – источниками исследования послужили архивные документы: письма Ф.В. Гладкова от 8 октября и 14 ноября 1939 г. (Архив РАН. Ф. 502. Оп. 3. Д. 132) и письмо Д.Н. Ушакова Ф.В. Гладкову от 24 октября 1939 г. (Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1052. Оп. 3. Д. 156), а также материалы, отражающие сотрудничество Д.Н. Ушакова с Радиокomiteем СССР (Архив РАН. Ф. 502. Оп. 3. Д. 126–129).

Впервые привлекаемые к исследованию документы позволяют ответить на ряд вопросов:

– Велась ли дискуссия между Ф.В. Гладковым и Д.Н. Ушаковым в действительности или же она была полностью «срежиссирована» редакцией «Литературной газеты»?

– Насколько точно и полно газетные публикации 1939 г. отразили позиции оппонентов? Какие их идеи остались за рамками помещенных в прессе материалов?

– Какая идеологическая проблематика стояла за публичным обсуждением сугубо лингвистических вопросов в рамках рассматриваемой дискуссии?

Внешний контур лингвистического спора 1939 г. можно обрисовать на основании публикаций «Литературной газеты». В октябре известный прозаик Ф.В. Гладков обратился с открытым письмом «к товарищам из Радиокomiteета СССР». Он с возмущением указал на грубые ошибки дикторов, в частности неверную постановку ударений в падежных формах «на реку», «в фортах», словах «добыча» и «молодежь». Писатель призвал работников радио к очистке языка от «звукового сора»⁴.

В одном из следующих номеров газеты Гладкову возразил профессор Д.Н. Ушаков. То, что именно он откликнулся на замечания

писателя, выглядело вполне естественно: редактор «Толкового словаря русского языка» в конце 1930-х – начале 1940-х годов консультировал дикторов радио, готовил для них специальные справочники и потому нес ответственность за допускавшиеся в эфире ошибки. Надо отметить, что те слова и грамматические формы, произношение которых беспокоило Ф.В. Гладкова, были задолго до публикации его письма отражены в записях Д.Н. Ушакова, подготовленных для занятий с дикторами, а также в составленном им «Словаре правильного произношения слов», помещенном в журнале «Работник радио» в 1938 г.⁵

Возражения Ушакова, так же как и Гладков, не допускавшего, например, постановки ударения на первом слоге в слове «молодежь», носили не частный, а принципиальный характер. Филолог не согласился прежде всего с категоричностью тона Гладкова и указал, что нормы литературного языка далеко не всегда однозначны. Например, ударение в форме «реку» подвержено колебаниям⁶.

В том же номере газеты был помещен ответ Гладкова. Его глубоко расстроило нежелание Ушакова однозначно охарактеризовать отдельные речевые варианты как сугубо неправильные. Писатель продолжал настаивать на произношении *реку́*, ссылаясь на авторитет классической поэзии, которая знала исключительно такое ударение.

Оттолкнувшись от этого частного вопроса, Гладков перешел к обобщениям, касавшимся закономерностей языковой эволюции. Он заявил, что развитие языка должно идти «в сторону наибольших преодолений», т. е. норме следует не сближаться с узусом, а, напротив, все резче противостоять ему.

В качестве подтверждения этой парадоксальной мысли Ф.В. Гладков привел многочисленные письма трудящихся. Массы, по заявлению писателя, «свирепо протестуют против порчи и засорения языка жаргонизмами, вульгаризмами, натуралистическим перенесением в литературную речь местного сырья и пр.»⁷.

Архивные материалы позволяют дополнить картину дискуссии рядом существенных деталей.

Сохранившиеся машинописные тексты писем с собственноручной правкой авторов свидетельствуют о том, что дискуссия между Гладковым и Ушаковым действительно велась, причем, судя по всему, возникла по инициативе писателя, который направил возмущенное письмо не только в Радиокomiteт, но и лично Д.Н. Ушакову. Текст начинался с личного обращения, а первая часть письма была выдержана в стиле почтительно-доверительном:

Уважаемый Дмитрий Николаевич!

Я давно хотел обратиться к Вам с некоторыми недоуменными вопросами, касающимися русской орфоэпии. Мне не надо говорить вам о том, как я люблю родную речь, как дорога мне русская литература. Я с детства впитывал в себя сокровища народного творчества и жил чудесной музыкой живой русской речи. И мне чрезвычайно тяжело, когда на каждом шагу я слышу, как калечится наш язык не только в разговоре и в речах (не о массах я говорю, а об интеллигенции!), но и дикторами в часы радиопередач. Несомненно, они руководятся указаниями авторитетных знатоков орфографии (зачеркнуто, исправлено на «орфоэпии». – Е. Б.), но те нормы, которые преподаны актерам и дикторам, я, к сожалению, не могу признать незыблемыми и бесспорными⁸.

В конце письма Ф.В. Гладков сделал приписку от руки:

P.S. Очень хотелось бы, что (так в тексте. – Е. Б.) в «Правит. Комиссии по выработке единой орфографии» был поставлен вопрос и о «Москве-реке», и о таких, скажем, «мелочах», как правильное написание ударных «шипящих» окончаний чев (чов, шов) в фамилиях: Щипачов, Хрущов, Ширшов (а не Щипачев). Далее: нельзя ли реабилитировать ѣ – букву почтенную и нужную?

В постскриптуме Ф.В. Гладков явно апеллировал к Д.Н. Ушакову как председателю Орфографической комиссии при Наркомпросе, с июля 1939 г. – члену Правительственной комиссии по разработке единой орфографии и пунктуации русского языка – и выходил за рамки обсуждения вопросов орфоэпии, ставших поводом для открытого письма. Это может служить косвенным доказательством того, что переписка не имела сугубо заказного характера.

Ответное письмо филолога тоже было написано не исключительно с целью газетной публикации. Начало этого документа также отчетливо персонифицировано и неформально:

Уважаемый Федор Васильевич!

Простите, что я так долго не отвечал на Ваше письмо. Смягчающим мою вину обстоятельством может служить то, что я вот уже около месяца занят до изнеможения работой в Правительственной орфографической комиссии.

Вслед за Вашим письмом вскоре Радиокomitee препроводил мне на консультацию Ваше письмо дикторам, которое Вы напечатали в Литературной газете⁹.

Архивные материалы подтверждают тот факт, что писатель ответил языковеду и лично, прислав ему на домашний адрес письмо, которое начиналось со слов, не попавших на газетную полосу:

Уважаемый Дмитрий Николаевич!

Прошу Вас извинить меня за назойливость, но Ваше сердечное письмо и растрогало и повергло меня в уныние¹⁰.

На страницах газеты письма оппонентов были представлены без искажений, но с некоторыми сокращениями.

Так, из второго, наиболее резкого текста Гладкова при публикации были исключены такие фрагменты:

Слова: «трону́лся [в тексте опечатка: следует читать «трону́лася». – Е. Б.] лошадка, «изгнáнная», «легóк» – это исключительные вольности поэта, терпимые, как именно редчайшие исключения. Вопрос с винительным – ре́ку, реку́ – вопрос о некоей норме, о законе произношения, а приведенные Вами слова – за пределами этой проблемы, как единичные эпизоды.

Ваши утверждения относительно злополучного винительного «ре́ку» подкрепляются только субъективными скобками: («ре́ку для меня, например, звучит, как областное»). А вот для литераторов (и старых и молодых) Ваше «ре́ку» звучит очень неблагозвучно – как сугубо местное.

Несмотря на наличие местечек Сорóчинцы, Торóща, украинцы (в Полтавщине) произносят сорочíнский и торощáнский. Кроме того произношение первого слова с ударением на «чи» имеет вековую давность: так говорили все образованные люди в России.

В Москве, в каждой квартире – свой языковой нор и в каждой семье – свой разговорный обычай. С языком просторечия обстоит сейчас так же, как с безалаберным уличным людским движением: люди не знают, где левая, где правая сторона, прут друг на друга, как на толчке, теряя гражданское достоинство.

Тогда нужно принять за норму «окающее» наречие большинства (по-моему) населения страны (север, Волга, половина Московской области, Урал, Сибирь). Как оно ни мило мне (это мой родной говор), но литературный московский язык смягчил мое круглое О.

P.S. Почему дикторы произносят Мажино не как Мажыно, а Мажíно, передавая ночные известия, говорили между прочим: Герцык¹¹ – «окрестный», Фриденсон¹² – экспóрт, семьдесят... (неразборчиво. – Е. Б.): «забил 5 голóв» (от «гол»).

Когда устаешь за день от редакционной и партийно-организационной работы, ночью часто сердиться от этих игривых вольностей со словом¹³.

Редакторская правка, судя по изъятым фрагментам, была направлена главным образом на маскировку недостаточной компетентности и невысокой общей грамотности Ф.В. Гладкова, употреблявшего такие словосочетания, как «звучит очень неблагозвучно», и считавшего украинское произношение образцом для русского литературного языка.

Кроме того, профессионализм газетного редактора позволил при сохранении почти всех частных до неузнаваемости изменить существо позиции Гладкова. Если в оригинальном тексте письма была нарисована пугающая картина речевого хаоса («люди не знают, где левая, где правая сторона, прут друг на друга, как на толчке, теряя гражданское достоинство»), то в публикации ЛГ писатель выглядел защитником чистого и правильного русского языка советской эпохи от отдельных несознательных носителей, безответственно допускающих грубые и нелепые ошибки.

Дискуссия между Гладковым и Ушаковым не могла не восприниматься привыкшей читать между строк советской аудиторией как глубоко символическое столкновение мнений. Ушаков, с его стилевой мягкостью и склонностью к компромиссу, выступал как идеальное воплощение образа *интеллигента «из бывших»*.

Иной образ возникал в сознании при чтении писем Гладкова. Он позиционировал себя как *интеллигент из народа*, преодолевший такие мелкие недостатки, как оканье, но сохранивший главное – простоту и честность, непримиримость ко всему, что враждебно народному духу.

Надо сказать, что писатель давно и последовательно работал над таким имиджем. Еще в 1931 г. он выступил в печати с заметкой под названием «Бью тревогу». Возмущение автора было вызвано подачей материала в учебнике Н.Н. Попова по истории ВКП(б). Гладков указал на то, что в книге для подростков недопустимо использовать такие трудные слова, как «ортодоксальный», «консолидация», «ревизионизм», и вообще нельзя сформировать сознание путем «зубрежки неудобоваримых формул»¹⁴. Эту публикацию, как и открытые письма 1939 г., отличают решительный тон, обилие разговорных слов и выражений, создающих образ простой, чуть грубоватой народной речи.

По мере накопления опыта газетной борьбы за так называемую чистоту языка сформировалось несколько «амплуа» публицистов, затрагивавших данную проблему. Одним из таких «амплуа» стал созданный Гладковым и его последователями образ простого советского человека с народными корнями, сурового, но справедливого, всегда готового высказать правду в глаза.

Излюбленным приемом Гладкова и других публицистов этого типа была ссылка на мнение рядовых читателей. Тоталитарная пропаганда непременно апеллирует «к «простому человеку», «труженику», к «здоровому смыслу “человека из народа”»¹⁵, создавая таким образом иллюзию демократии. Однако утверждать, что опора на народное мнение – это сугубо манипулятивный ход, не имеющий под собой никаких оснований, кроме идеологических, было бы недопустимым упрощением. В Архиве РАН сохранились письма слушателей, которые Радиокomitee передавал Д.Н. Ушакову для консультации при подготовке официального ответа.

Среди тех, кто обращался в Радиокomitee и другие инстанции с замечаниями, касавшимися культуры речи дикторов, были люди из городов и деревень, как культурные, так и малообразованные. Показательно – в том числе стилистически – письмо Я.Б. Далматова из Архангельска, начинающееся так (пунктуация оригинала):

Имея репродуктор, я и мои дети с товарищами и подругами чуть не ежедневно устраиваем коллективное слушание радиопередач из Москвы.

Интерес к слушанию большой. Но это слушание, благодаря небрежности передатчиков, действует на школьников уродуяюще. Изучая грамматику они слышат неграмматические произношения в передачах и начинают не только подражать в произношениях, но и при письме, как напр. передают: «в президиуми», «в доми» и пр. Борясь за грамотность молодежи, нельзя признать образцовой такую передачу, а московская передача должна быть только образцовой.

Обращаюсь к Вам с просьбой помочь нам родителям научить детей правильно выражаться. Ведь это не менее важная полит. задача¹⁶.

Радиослушатели вообще нередко отмечали политическую значимость «чистоты языка» и относились к действительным или мнимым нарушениям орфоэпической нормы как к явлению не просто неприятному, но и враждебному.

Судя по хранящейся в фонде Д.Н. Ушакова в Архиве РАН вырезке из «Литературной газеты» с подчеркиваниями и пометами на полях¹⁷, филолог предполагал продолжить дискуссию. В частности, он отметил в тексте Гладкова такое странное выражение, как «фамилия... имеющая польскую форму», а также спорное утверждение: «Орфоэпические нормы... живут, как выражение сознания народа, но жизнь их совершается по строгим законам литературной кристаллизации».

Сейчас не удастся установить, сам ли Ушаков отказался от полемики или ему было указано (через редакцию «Литературной газеты» либо иным путем) на нежелательность дальнейших возраже-

ний. Так или иначе, газета оставила последнее слово за Ф.В. Гладковым. При этом Д.Н. Ушаков невольно оказался оппонентом не отдельного языкового пуриста, а широких масс трудящихся.

Остается еще один немаловажный вопрос. Почему в споре об ударении в форме «реку» Ушаков и Гладков как будто поменялись местами? Почему исходно окавший уроженец пензенской деревни Гладков оказался защитником традиционного произношения, а носитель старшей орфоэпической нормы, один из основоположников русской орфоэпии Ушаков высказался за сосуществование производных вариантов?

Видимо, это было обусловлено случайностью выбора формы «реку» в качестве маркера литературной / нелитературной, а точнее – в терминах советской газетной пропаганды – «нашей» и «не нашей» речи. Будучи квалифицированным лингвистом, Д.Н. Ушаков хорошо понимал, что литературная норма не может не быть гибкой и подвижной, тем более в периоды стремительных социальных и культурных изменений. Ему было ясно, что «борьба» за устаревшее ударение есть не что иное, как языковой пуризм, никогда не приносящий собственно лингвистических плодов. Вероятно, уловил за неожиданной, на первый взгляд, речевой строгостью советского «писателя из народа» истинное недоверие и неуважение официальной советской идеологии к подлинному народу.

Разумеется, в конкретных исторических условиях Д.Н. Ушаков не мог открыто высказать подобных соображений. Ему оставалось в публичной полемике отстаивать право русского языка на свободное и естественное развитие. Безошибочность языкового чутья Д.Н. Ушакова подтверждают данные современных нормативных словарей. Так, «Словарь трудностей произношения и ударения в современном русском языке» К.С. Горбачевича предлагает формы винительного падежа «реку́» и «ре́ку»¹⁸; «Орфоэпический словарь русского языка» И.Л. Резниченко меняет варианты местами, отдавая, соответственно, предпочтение более позднему – «ре́ку» и «реку́»¹⁹; а представленный на сайте gramota.ru словарь «Русское словесное ударение» ограничивается единственным вариантом – «ре́ку»²⁰.

Но, как заметил в конце письма Ф.В. Гладков, «это – к слову»²¹.

Примечания

¹ *Inkeles A. Public Opinion in Soviet Russia: A Study in Mass Persuasion. Cambridge, 1950. P. 51–52.*

² См., например: *Литунев С.Н. Речевое воздействие и языковое манипулирование в рекламе [Электронный ресурс] // Элитариум. 2.0. URL: <http://www.elitarium>.*

ru/2007/03/02/rechevovoe_vozdejstvie_i_jazykovoe_manipulirovanie_v_reklame.html (дата обращения: 23.03.2015).

- ³ Подробнее об этом см.: *Басовская Е.Н.* Советская пресса – за «чистоту языка»: 60 лет борьбы. М.: РГГУ, 2011.
- ⁴ Литературная газета. 1939. № 56. С. 3.
- ⁵ Работник радио. 1938. № 20–21. С. 61–64.
- ⁶ Литературная газета. 1939. № 68. С. 3.
- ⁷ Там же.
- ⁸ АРАН. Ф. 502. Оп. 3. Д. 132. Л. 2.
- ⁹ РГАЛИ. Ф. 1052. Оп. 3. Д. 156. Л. 1.
- ¹⁰ АРАН. Ф. 502. Оп. 3. Д. 132.
- ¹¹ Герцик В.Б. (1908–1997) – диктор радио.
- ¹² Фриденсон О.Д. (1906–1980) – диктор радио.
- ¹³ АРАН. Ф. 502. Оп. 3. Д. 132. Л. 8, 8 об., 9, 9 об., 10.
- ¹⁴ За коммунистическое просвещение. 1931. № 62. С. 2.
- ¹⁵ *Лившин А.Я., Орлов И.Б.* Пропаганда и политическая социализация // Отечественная история. 2008. № 1. С. 100.
- ¹⁶ АРАН. Ф. 502. Оп. 3. Д. 129. Л. 19 об.
- ¹⁷ Там же. Д. 132. Л. 16.
- ¹⁸ *Горбачевич К.С.* Словарь трудностей произношения и ударения в современном русском языке. СПб.: Норинт, 2002. С. 218.
- ¹⁹ *Резниченко И.Л.* Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. М.: Астрель. АСТ, 2008. С. 892.
- ²⁰ Река [Электронный ресурс] // ГРАМОТА.РУ. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%F0%E5%EA%E0&all=x> (дата обращения: 23.03.2015).
- ²¹ АРАН. Ф. 502. Оп. 3. Д. 132. Л. 10.